

ЭХО РОДНЫХ ГОЛОСОВ

РЯДОМ С ПАВЛОВОЙ

— У меня всегда была феноменальная память, — с улыбкой говорит Валентина Ивановна Кошуба, рассказывая удивительные подробности о давних событиях, связанных с Русским балетом Сергея Дягилева, Анной Павловой, Вацлавом Нижинским и многими другими знаменитостями.

С бывшей балериной дягилевского Русского балета мы встретились в ее квартире на тихой зеленой улице в центре Мадрида, где она живет уже более 40 лет и преподает в школе классического танца. Ее работа отмечена правительственными наградами Испании.

— Я родилась за два года до окончания прошлого века, — рассказывает Валентина Ивановна. — Мой отец был армейским офицером. Окончил Военную академию и Институт восточных языков в Петербурге, а мама была дочерью предводителя дворянства Черниговской губернии Рубец-Мосальского. Мама очень любила музыку и балет и очень страдала, что не может стать танцовщицей. Существовавшие тогда нравы и ее происхождение не могли ей позволить этого. Она часто мечтала: «Вот если у меня будет дочь...». Наверное, от нее мне и перешел ген безграничной любви к танцу.

Мои ранние детские годы прошли в Ашхабаде, где слу-

жил отец под началом генерал-губернатора Куропаткина. Мне было уже 10 лет, когда я вновь оказалась в Москве и впервые увидела балет. Это был «Конек-Горбунок». Меня это представление просто потрясло. Я стала просить родителей отдать меня в Петербургскую балетную школу, но отец был неумолим и сказал матери: «Лучше пусть она пает гусей». Короче говоря, меня отдали в Александровский институт благородных девиц в Москве.

Но балет уже стал моей «болезнью». И когда в Москве открылась первая частная балетная школа Нелидовой, я поступила туда. Мне было почти 13 лет. А в ноябре 1914 года в Москву приехали Сергей Дягилев и Михаил Фокин искать молодых танцовщиц для кордебалета. В нелидовской школе они выбрали Веру Немчинову и меня. Но мама меня не отпустила. Ровно через год приехал Сергей Григорьев — администратор и режиссер Русского балета. Я уже училась в другой школе — у Мосаловой, но меня разыскивали. Со

слезами мама меня отпустила. Ее убедили, что после окончания шестимесячного контракта я вернусь в Москву. Забегая вперед, скажу, что вновь увидела Россию я только через 70 лет, в 1985 году, когда приезжала на свою родину по туристической путевке.

В ноябре 1915 года меня привезли в Швейцарию, где мы готовились к турне по Америке. Это и стало началом моей карьеры и знакомством с выдающимися танцорами. Весной 1916 года благодаря усилиям короля Испании Нижинский был освобожден из немецкого плена и присоединился к труппе в Нью-Йорке. Я не пропустила ни одного его выступления. Даже сейчас, закрыв глаза, вижу, как танцевали Нижинский и Анна Павлова. В «Петрушке» у нас каждый раз появлялись слезы, когда мы смотрели заключительную сцену убийства Петрушки Мавром. Мне очень нравился Нуриев, я восхищалась феноменальной техникой Барышникова, но думаю, что им не удалось превзойти Нижинского, который не играл и не танцевал, а просто

перерождался и сливался с образом. Он говорил нам: «Если вы на сцене, то у вас должно танцевать все тело, даже кончик носа».

От Анны Павловой исходило нечто такое, что полностью захватывало зрителей. Я хорошо помню, как в «Жизели», в сцене безумия, когда балерина, скрестив руки, буквально плыла в воздухе, в театре стоял стон. Не аплодисменты, а настоящий стон восторга и удовольствия. Овации были уже потом, когда спектакль заканчивался.

— Когда вы впервые увидели Анну Павлову?

— В 1909 году, когда мне было 11 лет, в Москве. После спектакля я в восторге убежала за кулисы с букетом цветов и воскликнула, что тоже хочу стать балериной. Она обняла меня, поцеловала и, внимательно посмотрев, сказала: «Учись, девочка, и ты будешь танцевать». Позже мы встречались в 1913 году. А когда я была в Нью-Йорке с Дягилевым, мы выступали в «Метрополитен», а Павловский балет — в «Ипподроме». У нас был один спек-

такль в день, а Павлова давала по два. Поэтому каждый день у меня была возможность бегать на ее спектакли. В 1919 году она пригласила меня работать вместе с ней. Павлова всегда выступала в главных ролях, а я исполняла характерные танцы. С Павловским балетом мы были в турне по Южной Америке, Испании, Португалии, выступали в Париже. К сожалению, моя танцевальная карьера продолжалась недолго — в 30 лет я была вынуждена прекратить выступления из-за болезни, стала преподавать танец, а затем здесь, в Мадриде, открыла собственную балетную школу.

— Валентина Ивановна, а как сложилась судьба ваших родителей после революции?

— Мой отец остался до конца верен присяге и Отечеству. Он воевал в Белой армии и погиб во время гражданской войны. Маме с большими трудностями, но все же удалось бежать из России в 1921 году, и она жила со мной в Париже. Сейчас я завершаю работу над мемуарами. Слава Богу, здоровье пока есть, я мечтаю побывать еще раз в Москве, у родительского дома на Малой Бронной...

В. ШЕХОВЦОВ. *

МАДРИД.

Павлова Анна

11.06.94.